

Г. Н. Потанин

Тюркская сказка о Идыге

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Г11

Г11 **Г. Н. Потанин**
Тюркская сказка о Идыге / Г. Н. Потанин – М.: Книга по Требованию, 2024. – 58 с.

ISBN 978-5-458-01098-6

Тюркская сказка о Идыге.

ISBN 978-5-458-01098-6

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Возвращаясь домой, Шашъ-Тазы дорогой остановился у бѣднаго старика со старухой, у которыхъ, кромѣ пяти козъ, ничего не было. Странникъ Шашъ-Тазы остановился у этого старика съ цѣлью помолиться Богу и покормить ребенка. Когда онъ вышелъ изъ юрты, старуха говоритъ старику: «Послушай, старикъ? Вотъ мы съ тобой дожили, ты до семидесяти лѣтъ, я до шестидесяти, а дѣтей не имѣемъ. Попросимъ у этого святого странника, который, пожалуй, болѣе не посѣтитъ насъ при нашей жизни». Старикъ согласился на совѣтъ своей старухи. Когда странникъ вернулся въ юрту, старуха предложила ему, чтобы онъ оставилъ имъ своего сына. Странникъ сначала молчалъ; ему не хотѣлось своего сына оставить у чужихъ, но старикъ со старухой все упрашивали его, такъ что странникъ сталъ не радъ и, наконецъ, долженъ былъ уступить; онъ попросилъ только, чтобы они достали ему какую нибудь лошадь доѣхать до родины. Старикъ обрадовался, продалъ какую то вещь, досталъ лошадь и отправилъ странника поскорѣе въ путь. Шашъ-Тазы уѣхалъ на родину, а сынъ его Эдигэ остался у старика. Старуха только и дѣлала, что ухаживала за Эдигэ, а старикъ пасъ своихъ козловъ.

Когда мальчикъ выросъ и достигъ семи лѣтъ, то пасты козловъ началъ ужъ онъ; тогда старикъ со старухой дали ему другое имя Койчубай; койчи значить овечій пастухъ, бай—богатый хозяинъ. Какъ только началъ пасты козловъ Койчубай, козлы начали размножаться; черезъ немного лѣтъ козлиное стадо стало большое и старикъ со старухой стали жить лучше.

Въ то время, какъ Койчубай пасъ въ степи козловъ, другіе пастухи обращались къ нему въ случаѣ ссоры ихъ между собой и онъ разбиралъ ихъ и рѣшалъ споры. Потомъ къ нему стали обращаться уже не одни пастухи, а сосѣди и онъ сдѣлался между ними біемъ-кази, а самъ продолжалъ пасты козловъ. Въ той странѣ, гдѣ жилъ Эдигэ, т. е. Койчубай, народомъ управлялъ ханъ Тохтамышъ; у хана былъ великій визирь по имени Джамбай, который любилъ охоту, часто ѣздилъ на охоту и большую часть времени проводилъ въ ней. Однажды Джамбай убилъ зайца на горѣ одного владѣльца; владѣлецъ обидѣлся и потребовалъ себѣ зайца, убитаго на его землѣ; пришлось искать правосудія у біевъ-казіевъ; владѣлецъ горы приглашалъ Джамбая идти судиться въ Койчубай, а Джамбай звалъ къ хану Тохтамышу. Наконецъ, согласились пойти къ Койчубаю. Койчубай (Эдигэ) дѣла свои разбиралъ въ степи; дома ему нельзя было это дѣлать, потому что некому было пасты козловъ. Спорившіе о зайцѣ пришли къ Койчубаю; онъ спросилъ ихъ, зачѣмъ они пришли и визирь рассказалъ ему свое, а владѣлецъ горы свое. Тогда Койчубай взялъ убитаго зайца, положилъ на

голову визирю Джамбаю и велѣлъ владѣльцу горы стрѣлять по зайцу; тотъ не согласился и испуганный бросилъ ружье. Тогда Койчубай убитаго зайца положилъ на голову владѣльца горы и велѣлъ стрѣлять визирю охотнику; визирь выстрѣлялъ и уронилъ зайца съ головы владѣльца горы. Койчубай взялъ зайца и отдалъ визирю Джамбаю, а его противнику велѣлъ идти въ свой домъ. Послѣ этого визирь Джамбай убѣдился въ правосудіи и находчивости Койчубая (Эдигѣ), подружился съ нимъ и даже подарилъ ему саблю; дружбу свою они закрѣпили обрядомъ: подрѣзали у правой руки жилы, спустили въ чашку кровь и, смѣшавши ее, выпили оба. Въ другой разъ визирь опять выѣхалъ на охоту и увидѣлъ двухъ человѣкъ, которые ѣхали въ хану судиться; споръ между ними вышелъ изъ-за верблюженка; одинъ говорилъ, что верблюженокъ его, что онъ потерялъ его тогда-то, другой говорилъ, что его и что верблюдица скучаетъ. Тогда великій визирь повелъ ихъ къ казию Койчубаю; Койчубай сдѣлалъ такое рѣшеніе, велѣлъ привести верблюдицу; верблюженокъ, увидѣвши мать, сейчасъ и пошелъ къ ней; владѣлецъ верблюдицы увелъ верблюженка по рѣшенію Койчубая, а его противникъ остался не при чемъ. Однажды къ Койчубаю пришли двѣ матери со споромъ изъ-за ребенка младенца; одна увѣряетъ, что ребенокъ ея, а другая, что ея; одна говорила, что ребенокъ былъ ею потерянъ во время нападенія грабителей, другая, что она его запрятала въ яму. Чтобы разобрать, чья сторона правая, чья виновная, кази Койчубай велѣлъ обвинить матерямъ сѣсть на землю, потомъ взялъ подаренную визиремъ саблю и какъ только онъ замахнулся, чтобы напугать женщинъ и заставить ихъ сказать правду, одна изъ нихъ остановила его, завричавъ: «Пожалѣй насъ, мы страдаемъ изъ-за одного младенца!» Другая же въ это время сидѣла и молчала. Тогда бій-кази Койчубай-Эдигѣ убѣдился, которой изъ женщинъ принадлежитъ ребенокъ и отдалъ той, которая молчала; она не жалѣла себя и готова была предать себя за ребенка.

Въ то время жили пятеро братьевъ; они жили очень бѣдно; изъ животныхъ у нихъ всего была одна коза и та хромая. Однажды они вздумали эту козу раздѣлить между собою. Такъ и сдѣлали, они закололи ее; одному досталась голова, другому и вѣмъ остальнымъ по ножкѣ, младшему изъ братьевъ досталась хромая нога; изъ этой козы образовалось пять козъ; у младшаго коза оказалась хромая. Каждый изъ братьевъ пасъ свою долю. Однажды козы старшихъ братьевъ потравили у сосѣдей ниву и всю вину свалили на младшаго. Владѣлецъ нивы пошелъ съ жалобой къ хану, и старшіе братья оправдались, а младшій былъ осужденъ пойти на четыре года въ работники къ владѣльцу нивы. Когда же братья возвращались отъ хана, старшіе были въ веселомъ настроеніи и пѣли пѣсни, только горе пало на долю младшаго.

Дорогой это увидѣлъ пастухъ, т. е. бій-кази Койчубай (Эдигэ) и спросилъ плачущаго парня: „О чемъ плачешь?“ Парень отвѣчалъ: „Какъ же мнѣ не плакать, когда ханъ не оправдалъ меня, безвиннаго, а оправдалъ моихъ братьевъ виновныхъ и мнѣ приходится за нихъ терпѣть горе и нужду, служить даромъ четыре года работникомъ“. Выслушавъ его рассказъ, Койчубай сказалъ ему: „Иди этой дорогой, тоже распѣвая свою пѣсню, а я пойду къ твоимъ братьямъ. Когда же твои братья спросятъ меня, почему ты пошелъ съ пѣсней, тогда я отвѣчу имъ: онъ оправданъ ханомъ Тохтамышемъ; если твои братья скажутъ тебѣ: мы были оправданы ханомъ, а не ты, пойдѣмъ опять къ хану и спросимъ его, на это ты отвѣчай имъ: согласенъ!“ Всѣ пятеро вмѣстѣ съ пастухомъ біемъ-Койчубаемъ (Эдигэ) опять пошли къ хану Тохтамышу. Пришедши, братья спросили Тохтамыша, кого онъ оправдалъ. Послѣ отвѣта Тохтамыша Койчубай сказалъ: „Приказаніе ваше должно быть свято и не нарушимо; если это правда, то пусть такъ и будетъ“, сказалъ Койчубай и еще прибавилъ: бастанъ барганга тартсангъ бастынгъ іесинэ тартыръ басынъ барганга тартсангъ ушъ сау аякъ іесинэ тартыръ ауру аякдынгъ іеси апарунъ отъ коюппа, т. е., такъ какъ голова козла была отдана старшему, цѣлыя ноги тремъ другимъ братьямъ, а хромяя нога младшему, то должно быть такъ: если козлы пошли сами, то они своею головою думали, а если они пошли, то идти могли съ цѣлыми ножками; какимъ же образомъ хромоногая коза могла пойти на пашню и потравить хлѣбъ, когда она не въ состояніи была пойти и питалась, подскакивая съ ноги на ногу?“ Тогда ханъ убѣдился, что это правда и вмѣсто младшаго отдалъ владѣльцу нивы четырехъ старшихъ братьевъ-работниковъ, младшій же былъ освобожденъ.

Тохтамышъ-ханъ объявилъ своему народу, чтобы Койчубая отдали ему въ сыновья. Когда объ этомъ объявили Койчубая, онъ не согласился быть сыномъ хана. Онъ сказалъ: „Если ханъ хочетъ взять меня за сына, то пусть моимъ отцу и матери заплатитъ за ихъ труды, т. е. за то, что воспитали меня, и пусть обезпечитъ ихъ на всю жизнь своимъ добромъ. Если ханъ на это согласится, то я могу быть сыномъ хана“. Ханъ согласился на это предложеніе и сказалъ: „Пусть такъ и будетъ, только отдайте мнѣ сына Койчубая!“

Когда Койчубай перешелъ на житье къ хану, ханъ сдѣлалъ его первымъ лицомъ въ своемъ владѣніи; тутъ ему перемѣнили имя изъ Койчубая въ Эдигэ, что значитъ: „человѣкъ, заботящійся о всѣхъ“. Такимъ образомъ, прошло сряду нѣсколько лѣтъ; ханъ любилъ Эдигэ, а Эдигэ хана. За это время дочь хана влюбилась въ Эдигэ; она постоянно уговаривала Эдигэ бѣжать съ нею вмѣстѣ къ сосѣднему хану Сатемиру, но Эдигэ не соглашался. Онъ говорилъ ей: „Какъ я стану наживать врага на своего отца?“ Ханъ Сатемиръ частенько дѣлалъ набѣги на хана Тохтамыша съ своими войсками,

когда же Эдигэ сдѣлался управителемъ, эти набѣги прекратились вслѣдствіе улучшения войскъ въ ханствѣ Тохтамыша. Дочь Тохтамыша не переставала уговаривать Эдигэ, но онъ на нее не обращалъ никакого вниманія, а потомъ, выведенный изъ терпѣнія, перешелъ изъ ханскаго дворца, въ которомъ жилъ вмѣстѣ съ ханомъ, въ особое помѣщеніе. Узнавши объ этомъ, ханъ спросилъ жену, почему Эдигэ отошелъ на другую половину дворца. Ханьша, зная, что между Эдигэ и дочерью хана существуетъ связь, и питавшая къ Эдигэ злобу за то, что онъ, простой человѣкъ, только что выдвинувшійся на такую должность, не хочетъ жениться на ханской дочери, сказала хану слѣдующее: „Негодный человѣкъ твой великій визирь Эдигэ; онъ затѣваетъ дѣло, небывалое въ нашемъ родѣ; онъ хочетъ убѣжать къ твоему врагу Сатемиру и уговорить Сатемира, чтобы онъ пошелъ войной на тебя и тогда они вдвоемъ до тла уничтожатъ твое царство. Не прославится твое царство, мы съ тобой должны будемъ пойти въ рабство къ Эдигэ и умремъ подъ старость въ нищетѣ, а твоя любимая дочь будетъ скитаться по чужимъ дворамъ просить милостыни, чтобы пропитать насъ. Поэтому, если не желаешь быть рабомъ, уничтожай какъ можно скорѣе Эдигэ». Такъ закончила рѣчь злая жена Тохтамыша. Тохтамышъ повѣрилъ всему этому, потому что прежде она ни разу не обманывала его, и сталъ придумывать, какъ бы поскорѣе оставить его безъ должности и предать казни или другому наказанію. Съ этою цѣлью онъ собралъ народъ и спросилъ его, какимъ образомъ удалить Эдигэ. Тогда изъ среды народа выступилъ восьмидесятилѣтній старикъ, который сказалъ хану: „Если ты хочешь избавиться отъ Эдигэ, то поступи такъ. Прикажи своимъ подданнымъ, чтобы они на свою казну построили желѣзный домъ, сдѣлали въ этомъ домѣ три входа и пятнадцать желѣзныхъ печей; растопи эти печи и накали до-красна. Затѣмъ, вели набрать различныхъ сортовъ вина, вели эти вина соединить вмѣстѣ, а затѣмъ напои Эдигэ этимъ виномъ“. Все такъ и сдѣлали по словамъ восьмидесятилѣтняго старика. Эдигэ объ этомъ замыслѣ ничего не зналъ; онъ былъ извѣщенъ объ немъ своимъ другомъ визиремъ Джамбаемъ; послѣдній давалъ совѣты Эдигэ, чтобы онъ на время скрылся куда-нибудь, но Эдигэ, какъ покровитель народа, сказалъ: „Развѣ надо мною не сжалится народъ, о благосостояніи котораго я такъ заботился?“ Какъ человѣкъ твердый, онъ остался при своемъ рѣшеніи. Тогда Джамбай сказалъ ему: „Когда тебя напоютъ виномъ, отведутъ въ желѣзный домъ и поставятъ тамъ палачей, великій ханъ велитъ бить тебя; передъ этимъ я извѣщу тебя, а ты въ это время помолись Богу. Можетъ быть Онъ тебѣ въ этомъ случаѣ поможетъ“.

Ханъ пригласилъ Эдигэ и сталъ пировать вмѣстѣ; напоивши Эдигэ, далъ приказаніе визирямъ увести его въ желѣзный домъ, передъ тѣмъ только на-

каленный до-красна. Эдыгэ, вошедши въ домъ, расхаживалъ взадъ и впередъ; жаръ на него не дѣйствовалъ нисколько.

Когда же онъ опьянѣлъ, отдано было приказаніе изсѣчь его на куски. Только что палачи хотѣли исполнить приказаніе хана, вдругъ невидимая сила все это уничтожила, желѣзный домъ развалился на мелкіе куски, а палачи остались подъ грудями обломковъ, Эдыгэ же, невредимый ни чѣмъ вышелъ, улыбаясь, въ народу и сказалъ передъ всѣми: „Теперь вы всѣ убѣдились, кто правъ изъ насъ, ханъ или я! Поэтому, развѣ не справедлива пословица: правда свѣтлѣе солнца?“ Увидѣвъ это, ханъ Тохтамышъ подчинился Эдыгэ; злая жена Тохтамыша была присуждена ханомъ, ея мужемъ, къ казни, но Эдыгэ простилъ ее и сказалъ: „зло должно уплачиваться добромъ“.

Въ скоромъ времени Тохтамышъ умеръ и управленіе народомъ перешло къ умному и дѣятельному человѣку и прославилось ханство Эдыгэ.

2 вариантъ. Записанъ мною со словъ киргизскаго султана Д. Х. Султанъ-Газина, который слышалъ сказку на своей родинѣ, въ Семипалат. обл. на рѣкѣ Токрау и рассказалъ ее по воспоминаніямъ своего дѣтства.

Эдыгэ былъ сынъ святого Баба-Тукляса, который былъ женатъ на дочери пери (духа). Когда она забеременѣла, то отъ стыда удаляясь отъ Баба-Тукляса навсегда, она сообщила ему, что у нея родится сынъ, котораго онъ найдетъ на мѣстѣ пересѣченія девяти дорогъ. Но нашелъ его не Баба-Туклясъ, а поднялъ ребенка пастухъ, случайно пасшій по той дорогѣ скотъ. У него и выросъ Эдыгэ.

Однажды Эдыгэ стоялъ, наблюдая за скотомъ. Мимо него прошли двѣ женщины, спорившія о ребенкѣ. Онъ спросилъ ихъ, въ чемъ ихъ дѣло? Каждая изъ нихъ утверждала, что ребенокъ принадлежитъ ей. Такъ какъ ни та, ни другая не желаетъ уступить ребенка добровольно, то онѣ ѣдутъ теперь судиться къ хану. Эдыгэ взялся рѣшить имъ споръ. Онѣ согласились, и Эдыгэ сказалъ имъ, что рѣшаетъ ихъ дѣло такъ; онъ разсѣчетъ ребенка на двое и дастъ каждой женщинѣ по части; тогда настоящая мать, обливаясь слезами, умоляла Эдыгэ не дѣлать этого; она уступаетъ ребенка другой женщинѣ. Тогда Эдыгэ убѣдился, что это и есть настоящая мать, отдалъ ей ребенка.

Еще Эдыгэ рѣшилъ дѣло двухъ лицъ, спорившихъ о верблюженкѣ. Онъ велѣлъ тяжущимся отвести своихъ верблюдицъ, выдаваемыхъ ими за матерей верблюженка, на нѣкоторое разстояніе и поставить за сопкою, и когда его приказаніе исполнили, сталъ мучить верблюженка. Тогда истинная мать верблюженка, услышавъ его крикъ, не могла удержаться на мѣстѣ и бросилась къ нему.

Нѣсколько времени спустя молва о мудромъ пастухѣ Эдыгѣ дошла до хана Тохтамыша; ханъ призвалъ его къ себѣ и сдѣлалъ своимъ табунщикомъ; Эдыгѣ сталъ пасти ханскихъ лошадей. Жена хана влюбилась въ Эдыгѣ и стала соблазнять его; Эдыгѣ не поддакъ на ея соблазнительныя рѣчи; тогда она рѣшила, во чтобы-то ни стало, отмстить ему. Съ этою цѣлью она однажды сказала Тохтамышу, что звѣзда Эдыгѣ стоитъ выше звѣзды хана; она думаетъ такъ потому, что когда Эдыгѣ входить въ юрту хана, ханъ вздрагиваетъ. Чтобы убѣдить хана въ этомъ, ханьша воткнула на поверхности халата на ханѣ иголку; когда Эдыгѣ вошелъ въ юрту, иголка отлетѣла въ сторону. Замѣтивъ это, ханъ сталъ бояться Эдыгѣ и рѣшился убить его. Но открыто совершить убійство онъ не осмѣлился, потому что Эдыгѣ былъ большой силачъ и ловкій наѣздникъ. Поэтому, ханъ хотѣлъ погубить Эдыгѣ посредствомъ обмана; онъ объявилъ Эдыгѣ, будто онъ хочетъ выдать за него свою дочь и сталъ устраивать пиръ. Намѣреніе хана было—напоить Эдыгѣ виномъ и убить. Но объ этомъ ханскомъ намѣреніи Эдыгѣ предупредилъ его другъ Кекъ-Джембай, сынъ Кенеса (Кенесдынгъ-олы Кекъ-Джембай); онъ привелъ осѣдланнаго коня для бѣгства Эдыгѣ. Эдыгѣ бросился изъ юрты и, сѣвъ на лошадь, сказалъ:....¹⁾

Услышавъ угрозы Эдыгѣ, Тохтамышъ разсердился и крикнулъ: «Ловите единца!» именемъ «единца» ханъ хотѣлъ намекнуть, что Эдыгѣ былъ единственный сынъ или безродный. Въ числѣ Тохтамышевыхъ людей, находившихся тутъ же, кромѣ Эдыгѣ, было еще семь другихъ единцевъ, которые тоже могли принять слова хана на свой счетъ. Эдыгѣ пустился бѣжать; съ нимъ вмѣстѣ побѣжали и семеро другихъ единцевъ. Тохтамышъ умолялъ Кекъ-Джембая, Кенесова сына, остановить своего друга. Подкупленный ханомъ, Джембай догоняетъ Эдыгѣ и уговариваетъ его вернуться. Эдыгѣ не соглашается и говоритъ Джембай: «Ты, Кенесовъ сынъ, Кекъ-Джембай, безумный Бекъ-Джембай, вернись-ка лучше обратно, а то сабля коснется твоей шеи и кровь обольетъ твою грудь!»²⁾ Кекъ-Джембай вернулся, а Эдыгѣ поѣхалъ къ Са-Темиру.

Дорогой Эдыгѣ встрѣтилъ Чуюнь-гулакъ-дяу³⁾, который увезъ у Са-Темиръ-хана дочь; у Чуюнь-гулакъ-дяу было сорокъ товарищей (крыкъ джудасъ). Эдыгѣ подружился съ Чуюнь-гулакомъ и они разбили свои палатки рядомъ. Семь единцевъ, сопутствовавшихъ Эдыгѣ и сорокъ Чуюнь-гу-

¹⁾ Эта рѣчь Эдыгѣ изложена въ стихахъ, которые г. Султанъ-Газинъ забылъ. Эдыгѣ въ этой рѣчи говоритъ о зломъ, незаслуженномъ замыслѣ Тохтамыша; онъ говоритъ, что Тохтамышъ хочетъ убить его безъ всякой вины, и что онъ, Эдыгѣ, поѣдетъ къ Са-Темиру и съ помощью его убьетъ Тохтамыша.

²⁾ Эта рѣчь изложена въ стихахъ.

³⁾ Дяу—великанъ. Чуюнь-гулакъ,—„чугунное ухо“.

лаковыхъ товарищей гоняли вмѣстѣ лошадей на водопой. Однажды Эдыгэ спрашиваетъ у своихъ единцевъ: «Отчего, когда вы пригоните лошадей на водопой, оттуда бываетъ слышенъ шумъ и гамъ?» Тѣ отвѣтили, что, спустившись въ водопою, они играютъ съ сорока товарищами Чуюнъ-гулака, шута воюютъ съ ними, и всякій разъ связываютъ ихъ. Эдыгэ сказалъ имъ: «Завтра свяжите ихъ какъ можно крѣпче и такъ оставьте, а мнѣ поймите и приведите чубарую лошадь Чуюнъ-гулака!» Семеро товарищей Эдыгэ такъ и сдѣлали. Эдыгэ, сѣвъ на коня Чуюнъ-гулака, съ натянутымъ лукомъ въ рукѣ, подкавалъ къ его палаткѣ и громкимъ голосомъ вызвалъ его на бой. Чуюнъ-гулакъ выскочилъ и у входа въ палатку былъ застрѣленъ изъ лука; Эдыгэ попалъ ему въ горло, единственное мягкое мѣсто въ его тѣлѣ; остальное тѣло Чуюнъ-гулака было все желѣзное. Чуюнъ-гулакъ не сразу умеръ; онъ сталъ ловить Эдыгэ, но въ руки ему попался только конецъ хвоста чубарой лошади, который и оторвался. Вотъ оттого-то хвосты у чубарыхъ лошадей бываютъ короткіе.

Убивъ Чуюнъ-гулака, Эдыгэ взялъ дочь Са-Темира и доставилъ ее къ ея отцу. Са-Темиръ отдалъ ее за Эдыгэ замужъ. Эдыгэ, заслуживъ уваженіе у Са-Темира, отправился противъ Тохтамыша, раззорилъ его царство. Самъ Тохтамышъ былъ убитъ.

Отъ дочери Са-Темира у Эдыгэ родился сынъ Нуралы. Когда Тохтамышъ былъ убитъ, была взята въ плѣвъ его дочь; изъ за нея вышелъ споръ у Эдыгэ съ Нуралы, у отца съ сыномъ; Нуралы осердился и бросилъ въ отца находившеюся въ его рукахъ балалайкою; балалайка попала Эдыгэ въ руку и причинила переломъ руки, а тѣвъ (кобылка, подставка подъ струнами) выскочила и попала въ глазъ Эдыгэ, отчего онъ потерялъ зрѣніе.

Когда Эдыгэ раззорялъ ханство Тохтамыша и беспощадно убивалъ всѣхъ ближнихъ своего врага, онъ увидѣлъ одну рабыню Тохтамыша, пожалѣвъ убить ее и оставилъ ее живою на мѣстѣ стоянки аула. Рабыня эта была такая сильная, что когда мочилась, мочою размывала землю и дѣлала въ ней борозду. Она была съ зачатымъ отъ Тохтамыша ребенкомъ; она голодала въ степи и гдѣ-то въ пещерѣ родила сына Кей-Кувата, будущаго героя. Одновременно съ рожденіемъ его, вляча-кобыла, подобно рабынѣ, оставшаяся въ той-же степи, родила саврасаго жеребенка, будущаго знаменитаго Кулаша-атъ («саврасый конь»). На этомъ конѣ сражался Кей-Куватъ съ потомками Эдыгэ послѣ того, какъ убилъ самого Эдыгэ.

Дополненіе, записанное при содѣйствіи г. Султанъ-Газина отъ киргиза въ урочищѣ Серембетъ.

У Нуралы, сына Эдыгъ'я, родился сынъ Нурзенинъ. Мать мучила его, била. Нуралы стало жалъ ребенка, онъ сталъ говорить, зачѣмъ она мучитъ ребенка. Она говоритъ ему, что она хочетъ, чтобы ребенокъ умеръ, потому что, если онъ выростетъ, онъ будетъ поступать съ своимъ отцемъ, Нуралы, такъ же, какъ Нуралы поступилъ съ своимъ отцемъ Эдыгъ. Тогда Нуралы одумался, раскаялся въ своемъ жестокоемъ обращеніи съ отцемъ и рѣшился просить у него прощенія. Онъ велѣлъ зашить себя въ шкуру, навьючить на лошадей, вести въ отцу и дорогой бить по шкурѣ палками. Нуралы'я привезли зашитаго въ шкуру въ юртъ Эдыгъ. Когда Эдыгъ вышелъ изъ юрты, Нуралы сталъ говорить ему: Прости меня отецъ за то, что я обидѣлъ тебя. Отцу сдѣлалось такъ жалко сына, что, не смотря на то, что у него не было уже глазъ, онъ заплакалъ.

3 вариантъ. Записанъ мною отъ киргиза Бійсенбе въ урочищѣ Серембетъ въ Кокчетавскомъ уѣздѣ, Акмол. обл. при содѣйствіи г. Султанъ-Газина, который перевелъ сказку съ киргизскаго на русскій.

Былъ бай ¹⁾ Толубай; у него былъ сынъ Исъ-тулѣ ²⁾. Этотъ Исъ-тулѣ охотился за птицами съ ловчей птицей. Однажды онъ шелъ по берегу рѣки и встрѣтилъ дѣвицу, сидѣвшую на берегу и чесавшую волосы. Онъ хотѣлъ поймать ее, но она окунулась въ воду. На другой день онъ опять пришелъ на то же мѣсто и опять ее увидѣлъ. Онъ подкрался къ ней пѣшіи. Расчесывая волосы, она отбросила ихъ; они были въ десять кулашей ³⁾ длиной. Исъ-Тулѣ поймалъ ее; взялъ за волосы, намоталъ ихъ на руку, и когда она хотѣла окунуться въ воду, удержалъ ее. Она ушла въ воду и его увела съ собой. Онъ не помнитъ, сколько дней они пробыли подъ водой. Пришли въ юрту. Она говоритъ ему, что она выйдетъ за него замужъ, только съ условіемъ не смотрѣть ей на темя, подъ мышку и въ пятки. Она была дочь перя. Онъ женился на ней и живетъ съ ней подъ водой. Все тамъ было готово: пища и одежды, не было у него только лошади. Однажды утромъ послѣ утренней молитвы онъ рѣшился посмотрѣть на темя своей жены и увидѣлъ мозгъ, взглянулъ подъ мышку, увидѣлъ легкія, посмотрѣлъ на пятки, онъ какъ будто срублены. Жена узнала, что онъ смотрѣлъ и на темя, и подъ мышку, и на пятки, и говоритъ: „Ты не сдержалъ слова! У меня есть шестимѣсячный ребенокъ; ты найдешь его въ Египтѣ (Мысырь). И такъ, прощай!“ Сказавъ

¹⁾ Бай—„хозяинъ“, „богатый человекъ“.

²⁾ Иногда рассказчикъ произносилъ Юсь-тулѣ.

³⁾ Кулашь—„маховая сажень“.

это, дѣвица превратилась въ лебедя и взлетѣла на чангаракъ¹⁾). Ись-тулѣ тогда сказалъ дѣвицѣ: „Я попалъ сюда съ тобой изъ любви къ тебѣ. Какъ же я отсюда выйду?“ Дѣвица говоритъ ему: „Пока останься здѣсь. Потому самъ не замѣтишь, какъ будешь отсюда выброшенъ“. Она послѣ этого улетѣла, а онъ остался. Три дня онъ провелъ послѣ дѣвицы голодомъ; не было у него ни пищи, ни питья. Отъ голоду онъ лежалъ безъ чувствъ. Однажды онъ проснулся и увидѣлъ себя посреди степи; нѣтъ ни юрты, въ которой онъ спалъ, ни воды. Онъ всталъ и отправился на западъ. Шелъ, шелъ и пришелъ въ одинъ эль²⁾). Былъ тутъ одинъ бай, у котораго не было ни сына, ни дочери, а много было скота. Бай спросилъ его: „Откуда ты?“ „Нашей волости“, говоритъ тотъ; „моихъ родителей ограбили вражескіе люди, я остался одинокимъ мальчикомъ, питался дикими растеніями. Теперь вотъ пришелъ сюда. Я бы желалъ, чтобъ меня усыновили бездѣтные люди“. Бай усыновилъ его и поручилъ ему пасти лошадей. Однажды утромъ онъ проснулся и увидѣлъ черепъ лошади; онъ обнялъ черепъ и заплакалъ. Проснулись его товарищи, другіе табунщики. Когда они подѣхали къ нему, они слышатъ слова, которыя Ись-тулѣ говоритъ черепу: „Кто тебя назоветъ черепомъ Тулпара, а меня кто назоветъ сыномъ Толубая, тотъ сынчи³⁾“. Табунщики рассказали объ этомъ бая, и тотъ не сталъ пускать его въ табунъ; онъ понялъ, что это мальчикъ хорошаго рода. Бай предоставилъ ему право осмотрѣть всѣ табуны всего эля, нѣтъ ли тутъ Тулпара. Ись-тулѣ осмотрѣлъ табуны; не нашелся въ нихъ Тулпаръ. Ись-тулѣ говоритъ бая: „Шесть дней спустя черезъ эти мѣста пройдетъ караванъ; въ этомъ караванѣ есть бурый мастэкъ (крѣпъ мастэкъ)⁴⁾; это кляча, которая не можетъ везти телѣгу и потому идетъ простая; ты купи ее“. На шестой день послѣ этого разговора прибылъ караванъ. Караванные люди стали покупать лошадей, за одну сытую давали трехъ своихъ плохихъ. Бай увидѣлъ бурога мастэка; онъ везъ шестиколесную арбу; бай спрашиваетъ хозяина каравана, не продастъ ли онъ эту лошадь. Тотъ запросилъ шесть лошадей; бай отдалъ шесть лошадей и взялъ мастэка⁵⁾). Ись-тулѣ велитъ бая купить еще трехъ мастэковъ; бай послушался и они вернулись отъ каравана домой съ четырьмя мастэками. Ись-тулѣ говоритъ бая: „Дайте мнѣ этихъ четырехъ мастэковъ, я буду кормить ихъ“. Взялъ ихъ и увелъ на аралъ⁶⁾), а самъ вернулся домой. Черезъ три мѣсяца Ись-тулѣ привелъ одного мастэка и зарѣзалъ; черезъ три мѣсяца опять привелъ одного

¹⁾ Чангаракъ—деревянный обручъ, образующій вершину юрты.

²⁾ Эль—„поколѣніе“, „родъ“.

³⁾ Сынчи—„знатокъ“; сына—„узнай достоинства ястреба“.

⁴⁾ Мастэкъ—помѣсь киргизской породы лошади съ русской крестьянской.

⁵⁾ Тутъ какое-то противорѣчіе съ предыдущимъ.

⁶⁾ Аралъ—„островъ“ или „изгибъ рѣки“.

и тоже зарѣзалъ. Бай спрашиваетъ его, зачѣмъ онъ рѣжетъ лошадей. Исъ-тулѣ говоритъ, что онъ хочетъ посмотрѣть на кости, побѣлѣли онѣ, или нѣтъ ¹⁾. Черезъ четыре мѣсяца Исъ-тулѣ зарѣзалъ еще одного мастѣка, третьяго. Потомъ привелъ четвертаго. У четвертаго кости побѣлѣли; теперь, думаетъ Исъ-тулѣ, его можно въ бѣгъ пускать. Это былъ Тулпаръ. Бай спрашиваетъ Исъ-тулѣ, зачѣмъ онъ дѣлалъ это. Если будутъ скачки, говоритъ Исъ-тулѣ, подъярую Тулпара и пушу въ бѣгъ. Бай говоритъ, что два мѣсяца спустя среди трехъ джюзовъ ²⁾ будетъ большая байга ³⁾. До того времени Исъ-тулѣ все готовилъ лошадь. По прошествіи двухъ мѣсяцевъ устраивается байга. Бай спрашиваетъ, кто будетъ сѣдокомъ? Исъ-тулѣ говоритъ, что онъ самъ сядетъ на Тулпара. Собрался народъ на скачку, пустили лошадей. Исъ-тулѣ съ Тулпаромъ остался сначала свади всѣхъ лошадей. Когда скакуны прибыли на середину разстоянія, Тулпаръ опередилъ половину лошадей. Въ то время Тулпаръ былъ завьюченъ двумя мѣшками съ пескомъ. Исъ-тулѣ пощупалъ одинъ мѣшокъ: песокъ былъ горячій; онъ разрѣзалъ мѣшокъ ножомъ и песокъ высыпался. Тогда Исъ-Тулѣ былъ почти впереди всѣхъ лошадей. Онъ разрѣзалъ другой мѣшокъ и изъ него высыпалъ песокъ, и опередилъ всѣхъ лошадей. Опередая, простился на скаку со всѣми товарищами и сказалъ имъ: „вы меня не догоните! отдайте призы (байгы) безъ спора“. Въ призѣ было 50 лошадей, 100 барановъ и 50 верблюдовъ. Когда Исъ-тулѣ прибѣжалъ въ ауламы, всѣ бросились ловить его, но не могли догнать. Кто-то сѣлъ на сѣрую кобылу, погнался и чуть было не догналъ его. Это была кобыла того бая, который усыновилъ Исъ-тулѣ. „Меня никто не догонитъ“, сказалъ Исъ-Тулѣ. „Эта кобыла не „тулпаръ“, только въ утробѣ ея есть жеребенокъ „тулпаръ“. Пусть бай кормитъ ее хорошенько. Прощайте!“

Сказавши это, Исъ-туле уѣхалъ. Отецъ его Толубай услышалъ топотъ Тулпара и сказалъ: „На Тулпарѣ можетъ сидѣть только мой сынъ или я“. Онъ собралъ весь свой народъ и велѣлъ плести веревки изъ шелка. Потомъ еще сказалъ: „Поймать Тулпара невозможно; нужно какъ-нибудь накинуть петлю на сѣдока“. У Исъ-туле была сестра Гуль-джамиля; она тоже была вѣщая. Она тоже услышала топотъ. Наконецъ, увидѣли пыль. Люди протянули шелковую веревку поперекъ дороги Тулпара, но не могли удержать лошадь, сняли съ нея сѣдока. Нѣсколько дней Исъ-туле оставался безъ чувствъ, потомъ пришелъ въ чувство и остался жить у отца.

Пери, съ которою жилъ Исъ-туле, родила сына. Въ царствѣ Тохтомыса была кэмпыръ, ⁴⁾ у которой было пять коровъ. Она сама пасла ихъ. Она

¹⁾ Чѣмъ жирнѣе животное, тѣмъ кости дѣлаются бѣлѣе.

²⁾ Джюзъ—орда, собственно „сотна“.

³⁾ Байга—„скачки“.

⁴⁾ Кэмпыръ „старуха“.